

С. Г. Маслинская
(ИРЛИ РАН)

О детском голосе, канарейках овсяночного
напева и декабрьских праздниках
(комментарий к рассказу В. Драгунского
«Белые амадины»)

В рассказе В. Драгунского «Белые амадины» (впервые напечатан в 1965 году) описывается, как Дениска Кораблев отправляется на ВДНХ на выставку певчих птиц. В комментарии к этому рассказу исследователи указывают, что речь идет о реальном случае в семье писателя и в основе описания конкурса канарей лежит, скорее всего, ежегодный конкурс русских певчих канареек овсяночного напева, проводившийся Клубом любителей канареек¹ на ВДНХ с 1957 года.²

Разведение канареек в России имеет давнюю историю, равно как и проведение конкурсов пения канарей.³

¹ В 1956 году при Московском городском обществе озеленения и охраны природы был организован клуб «Кролик и птица». В клубе были созданы секции любителей певчей птицы, секции кролиководства, голубеводства и другие. Секция любителей канареек насчитывала около пятидесяти человек. В 1957 году с увеличением числа канароводов советом секции было принято решение о создании Клуба любителей канареек (Информация с сайта Московского клуба любителей канареек овсяночного напева: <http://moscanary.ru/istoriya-kluba>; дата обращения: 23.09.2020).

² Михайлова О., Драгунский Д., Бернштейн И. Комментарий // Драгунский В. Рыцари и ещё 60 историй. Собрание Денискиных рассказов. М., 2017. С. 411—412.

³ См. подробнее, напр., Разуваев А. История канарейки в России. М., 2011; Жалтанова Л. Ж. Канарейки. М., 2005.

В воспоминаниях и литературе сохранилось немало свидетельств популярности «изящного промысла» в России, как называли разведение канареек в XIX веке. К моменту создания В. Драгунским рассказа в детской литературе уже было немало канареек, они имели определенный семантический ореол и сюжетные функции. В повести А. Гайдара «Школа» (1929) канарейка упоминается как часть интерьера в усадьбе бывшего помещика, настроенного к новой власти негативно: «Тут же стоял трехногий письменный стол, а над столом висела клетка с канарейкой. Канарейка, очевидно, давным-давно сдохла и лежала в кормушке кверху лапками. Со стены глядело несколько пыльных фотографий».⁴ Канарейка — знак зажиточности (как и тюлевые занавески и декоративные домашние цветы) и в крестьянской семье, описанной в повести М. Горбовцева «Мишкино детство» (1940): «По описаниям матери, тетка Анна жила как помещица: дом у нее будто бы большой, на окнах — цветы, тюлевые занавески, с утра до вечера в комнате поют две канарейки. Два раза в день — утром и вечером — у тетки Анны ставят самовар. К чаю подают булки, молоко, заморский фрукт — лимон».⁵ В автобиографической повести А. Бруштейн «Дорога уходит в даль» (1956) канарейки — знак мирного дореволюционного детства дочери врача: «Чтобы чем-нибудь заняться, я делаю всякие краткосрочные дела: поливаю цветы в цветочных горшках, насыпаю корму канарейке, читаю наоборот справа налево видные в окно уличные вывески: «акетпа» — вместо «аптека», «яянчолуб» — вместо «булочная».⁶ В целом в детской литературе канарейки показаны как типичные обитатели домов самого разного социального положения (см. то же в повести К. Паустовского «Далекие годы» (1946) «бывшие учительницы и чиновницы» — обладательницы канареек). В отличие

⁴ Гайдар А. Школа // Гайдар А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 212.

⁵ Горбовцев М. Мишкино детство. М., 1949. С. 75.

⁶ Бруштейн А. Дорога уходит в даль. М., 1956. С. 80.

от щеглов, которых герои повестей Гайдара или Горбовеца ловят (и сцены охоты детей на них разворачиваются в отдельные эпизоды произведений), канарейки показаны преимущественно как принадлежность интерьера, причем скорее взрослого. Героиня у Бруштейн кормит канареек, но более характерны интерьерные описания, в которых канарейка называется в ряду других предметов быта: занавесок, столиков, картин, домашних цветов (герани) и т. п. Во всех этих случаях канарейка — символ мещанства в горьковском понимании этого слова.

В контексте изображения смены государственного режима упоминание канареек — знак белогвардейской мягкотелости и политических заблуждений. Так, в повести Г. Фиша «Падение Кимас-озера» (1937) рассказчик-красноармеец похвастается своей ловкостью в добывании лыж, при помощи которых он ускользнул от белофиннов. Он сообщает, что лыжи добыл «таким способом, который не поощрило бы благотворительное общество разведения канареек».⁷ Можно понять, что это физическое насилие (а возможно, и убийство).

В послевоенные годы пренебрежительное отношение к канарейкам уходит (см., напр., доброжелательное упоминание у Н. Носова в «Веселой семейке» (1949) «одного человека», который «держит птиц. У него в клетках разные птицы живут: чижики, канарейки, щеглы и даже скворцы»⁸), а новыми обладателями канареек становятся дети. В повести Л. Конторовича «Колька и Наташа» главный герой рассказывает о том, как принес в дом канарейку, но его «мама сказала: „Люdiam жить негде, а ты птицу при- тащи!“».⁹ Рассказчику пришлось отдать ее своему другу Мишке. Героиня повести А. Аронова «Цирк приехал» (1963) Римма Болонкина приносит горшок со столетником и клетку с канарейкой в школу, чтобы «украсить класс».

⁷ Фиш Г. Падение Кимас-озера. М.; Л., 1937. С. 76.

⁸ Носов Н. Веселая семейка. М., 1975. С. 102.

⁹ Конторович Л. И. Колька и Наташа. Челябинск, 1954.

В 1946 году в советской детской литературе появляется новый топос, включающий канареек, — птичий рынок.¹⁰ Е. Ильина в рассказе о довоенной жизни своей героини практически цитирует Гиляровского: «В те годы на Трубной площади каждое воскресенье торговали всякой живностью. Любители птиц, рыб, диковинных зверушек всегда могли выбрать здесь по своему вкусу и певучую канарейку, и щегла, и дрозда, и породистого охотничьего щенка, и черепаху, и даже заморского попугая».¹¹ Рынок и продажа птиц здесь еще не в фокусе детского внимания. Уже через три года персонажам «Веселой семейки» (1949) Н. Носова приходится в голову самостоятельно поехать на птичий рынок, чтобы купить птичий корм (овес для цыплят).

Детальное описание птичьего рынка как места действия одного из эпизодов можно впервые обнаружить в рассказе И. Дика «Первый взлет» (1960). Птичий рынок — место, куда герой едет самостоятельно покупать голубей. Рынок описывается через многообразие представителей животного мира, канарейки в нем — один из элементов:

И тут Вова решил сесть на трамвай и поехать на птичий рынок.

...Рынок начинался еще задолго до входа на большую асфальтированную площадь с крытыми прилавками. Здесь были сотни людей с голубями, щенками, котятками, кроликами, гусями. Щенки и котятки выглядывали из-под воротников рубашек, пальто, телогреек. Гуси кричали в мешках. Кролики сидели в корзинах. Какой-то дядька водил за собой на веревочке здорового серебристого петуха, который время от времени с криком «кукареку» кидался на прохожих. Те со смехом разбегались по сторонам.

¹⁰ В отдельных довоенных произведениях можно встретить упоминания птичьего рынка (напр., Н. Трублаины «Лахтак» (1935), В. Беляев «Дом с привидениями» (1941)), но развернутых описаний мы не обнаружили.

¹¹ Ильина Е. Четвертая высота. Челябинск, 1954. С. 8. Ср. у Гиляровского: «...на Трубе в одно из воскресений, когда вся охотничья Москва толчется на птичьем базаре. Здесь продается певчая птица в клетках, пудовые индюки, гуси, утки, куры...» (Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1935. С. 244).

Вова разевал рот от удивления. Он не знал, никогда не думал, что в Москве живет столько любителей птиц, рыб и животных. В ряду кормов для рыб продавалась сушеная дафния и циклопы. В больших консервных банках копошились красные червячки длиной с граммофонную иголку. На развернутых газетках в черной земле извивались белые червячки. <...> А в «птичьем» ряду верещали щеглы, синицы, канарейки, ярко-голубые, с зелеными переливами попугайчики. Вова думал, что они заморские, откуда-нибудь из Чили или с Суматры, но оказалось, что их выводят в Москве. Но самым большим рядом был голубиный. Продавцы держали голубей и в плетеных корзинах, и в металлических клетках, которые могли складываться в чехолы. Сидели голуби целыми стаями. «Дутыши», «пегарьки», «воротникастые», «немцы», «почтари» — всех цветов, раскрасок и оттенков — спокойно ворковали и поклевывали зерно. Покупатели для чего-то расправляли им крылья, дули под хвост, раскрывали клювики.¹²

У Дика наблюдатель — ребенок, на которого автор смотрит со стороны и который потрясен тем, что он видит («Вова разевал рот от удивления»). В детской литературе это первое развернутое описание рынка, увиденного глазами ребенка. Обилие людей («сотни людей») и разного рода живности (от кроликов до червяков), на которой фокусируется взгляд наблюдателя-ребенка, характеризует особенности детского восприятия: ребенок открывает для себя это разнообразие, и это знакомство с перечисленным количеством и качеством животных шокирует его, повергает в смятение. Психологизация образа ребенка, достигаемая перечислением деталей, на которые натывается взгляд ребенка, в возбуждении перескакивающий с одного объекта на другой, — не частый прием в этот период развития русской детской литературы. Кроме визуальной детализации Дик фиксирует и слуховые впечатления ребенка: это звуки, издаваемые птицами, — «крякали» и «верещали». Показывать «изобилие жизни» в 1950-е годы в детской

¹² Дик И. Первый взлет // Девчонки и мальчишки. М., 1960. С. 44—45.

литературе было не принято. Фавориты того времени, например Н. Носов, изображали детскую повседневность скорее как череду анекдотических ситуаций («Замазка», «Клякса», «Как мы смеялись»), дети в этот период не всматриваются в окружающее социальное и природное пространство (зообеллетристы, которые пишут для детей, тоже в основном строят повествование от лица взрослого охотника). Дик же намеренно замедляет действие рассказа (основное фабульное содержание которого тоже вполне анекдотично — мальчик купил голубей, принес на крышу своего дома, выпустил, они улетели и не вернулись), дав ребенку рассмотреть (при всей его суетливости) окружающее его социальное пространство — торговые ряды рынка.

Собственно В. Драгунский индивидуальную перспективу сделает основным приемом своего повествования. Только в случае с Драгунским индивидуализации дополнительно будет способствовать «я-повествование» от лица ребенка — Дениски. Эмансипация героя-ребенка от взрослой/авторской перспективы — характерная черта детской литературы рубежа 1950—1960-х годов (творчество В. Голявкина, Ю. Сотника и др.). Дениска у Драгунского «решил отправиться сам» на ВДНХ.¹³ Выставка, как и рынок, — это зрелищное пространство. Для творчества Драгунского зрелищность имеет конституирующее значение в выборе места действия (не случайно цирк становится местом действия нескольких его рассказов, а герои любят делать трюки и показывать фокусы¹⁴).

¹³ К моменту создания «Белых амадинов» Всесоюзная сельскохозяйственная выставка уже упоминалась в детской литературе. У В. Осеевой в повести «Васек Трубачев и его товарищи» (1947) персонаж привез молотилку с этой выставки, упоминается ВСХВ у А. Мусатова в «Стожарах» (1948), у В. Кожевникова в «Мальчике с окраины» (1953) и у Л. Кассиля в «Раннем восходе» (1955), где главный герой ходит на ВСХВ с отцом.

¹⁴ О биографических истоках цирковой темы у В. Драгунского см.: *Щукина М. Виктор Драгунский. Человек, дававший радость двумя руками...* // Драгунский В. Рыцари и ещё 60 историй. Собрание Денискиных рассказов с комментариями О. Михайловой, Д. Драгунского, И. Бернштейна. М., 2017. С. 273—279.

Писатель впервые поместил выставку птиц и конкурс птичьего пения в фокус внимания героя-ребенка. Все прежние выставки птиц в детской литературе — это выставки достижений «домашнего хозяйства», показ домашней птицы, которую разводят пионеры (см., напр., «Как это было» (1930) Яна Ларри или «Пассажир дальнего плавания» (1949) А. Пунченка). В «Белых амадинах» герой зачарованно наблюдает за «невиданными чудесами» — снегирями, клестами, синицами, голубями, попугаями и амадинами. Последние в глазах рассказчика становятся воплощением чистой эстетики, которая заставляет стоять «как вкопанных» и детей, и взрослых.

Примечательно, что действие происходит в начале декабря.¹⁵ Как пишет исследователь творчества В. Драгунского О. Михайлова, в рукописи и авторизованной машинописи рассказа содержалось уточнение, что на ВДНХ «в это время происходил „Праздник Зимы“, и было катание на лошадях и оленях».¹⁶ С точки зрения передачи общего ощущения праздника, которое переживает Дениска, эта хронологическая привязка очень существенна. Как полагают В. Головин и О. Николаев, зимнее время (и в частности, святочный период, сопровождавшийся гуляньями, катанием на лошадях, ярмарками и пр.) впервые в детской литературе было показано как время «уютя, радости, смеха, игры» в «Николашиной похвале зимним утехам» А. Шишкова, и уже у него атмосфера зимы «выстроена исходя из детского

¹⁵ Московский клуб любителей канареек с 1957 года проводил свои конкурсы в первую субботу декабря. «Правление клуба приняло решение, что конкурсы будут проходить один раз в год. Был выбран День Конституции СССР, который отмечался 5-го декабря. Следуя этой традиции, Московский клуб любителей канареек, ежегодно проводил свои конкурсы в первую субботу декабря в г. Москве». (Информация с сайта Московского клуба любителей канареек овсяночного напева: <http://moscanary.ru/istoriya-kluba>; дата обращения: 23.09.2020).

¹⁶ Цит. по: Михайлова О., Драгунский Д., Бернштейн И. Комментарии... С. 412—413. См. также редакции текста в: Михайлова О. Формы выражения авторской адресации в рассказах В. Ю. Драгунского для детей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 134.

(гиперболизирующего) модуса восприятия». ¹⁷ Драгунский так же выстраивает атмосферу зимнего праздника из перспективы детского взгляда на происходящее.

Исследователи считают, что конкурс кенарей в «Белых амадинах» второстепенен по отношению к «детскому сюжету» — впечатлениям о необычных птицах с «клюквенными клювиками» (о белых амадинах Дениска ничего не рассказывает родителям). ¹⁸ По мнению О. Михайловой, «обширный сатирический план, сюжет о судействе канареек, уподобленном партийному собранию или съезду, также выявляет более взрослого адресата». ¹⁹ Однако исследователями остался незамеченным прием интериоризации, к которому прибегает Драгунский в эпизоде, когда Дениска делится своими впечатлениями с родителями:

Папа сказал:

— Рассказывай. Понравилось?

Я сказал:

— Очень!

Мама испугалась:

— Что это за голос? Что с тобой? Почему ты сипишь?

Я сказал:

— Потому что я пел! Я сорвал голос, и вот осип.

Папа воскликнул:

— Где это ты пел, Козловский?

Я сказал:

— Я пел на конкурсе!

— Давай подробности! — сказала мама.

¹⁷ Головин В., Николаев О. И.-Г. Кампе „Winterlied“ — А. С. Шишков „Николашина похвала зимним утехам“: первый детский хрестоматийный текст в русской поэзии // Детские чтения. 2017. № 12 (2). С. 363. И далее: «Николаша своей „похвалой“ всю зиму изображает как сплошной праздник, а всех взрослых превращает в детей, так как они ведут себя, как дети». Ср. у Драгунского: «...мы стояли как вкопанные перед ними все — и дети, и даже взрослые» (Драгунский В. Белые амадины // Драгунский В. Рыцари и ещё 60 историй. Собрание Денискиных рассказов с комментариями О. Михайловой, Д. Драгунского, И. Бернштейна. М., 2017. С. 194).

¹⁸ Михайлова О., Драгунский Д., Бернштейн И. Комментарий... С. 412.

¹⁹ Михайлова О. Указ. соч. М., 2013. С. 141.

Я сказал:
— Я пел с канарейкой!
Папа прямо закатился.
— Воображаю, — сказал он, — какой был успех! На бис-то вызывали?
— Не смейся, — просипел я, — я пел про себя. Изнутри.
— А! Тогда другое дело, — успокоился папа, — тогда, слава богу!²⁰

Дениска действительно умалчивает о главном зрительном впечатлении дня — белых амадинах, но о главном звуковом — говорит вполне отчетливо. Он пел вместе с Лимончиком «про себя, изнутри».²¹ Идентификация с поющим кенарем в такой степени, что у героя даже сел голос, показывает, насколько сильное впечатление произвело пение Лимончика на Дениску. Белыми амадинами он любит, а кенарь, который в конце концов запел и «пел долго-долго, взхлеб», становится alter ego героя.

Канарейки овсяночного напева долгое время оставались антуражем и реквизитом в детской литературе XX века, но в творчестве В. Драгунского именно этой птице, поющей в неволе напоказ, сопереживает ребенок, в создании образа которого пение и, шире, обретение голоса (вспомним «Славу Ивана Козловского») имеют столь большое значение.

²⁰ Драгунский В. Белые амадины // Драгунский В. Рыцари и ещё 60 историй. Собрание Денискиных рассказов с комментариями О. Михайловой, Д. Драгунского, И. Бернштейна. М., 2017. С. 196.

²¹ Именно в таком пунктуационном оформлении эта фраза впервые встречается в тексте во внутреннем монологе героя (Там же. С. 195). В диалоге с родителями «изнутри» становится словом-предложением («— Не смейся, — просипел я, — я пел про себя. Изнутри»), усиливая акцент на «нутряном пении».